НАТАЛИЯ ХУДЖАМОВА

ЗА ЗАНАВЕСКОЙ

Когда Алексей Иванович умер, сахара на его пропитание стало уходить еще больше, но за то в доме стало тише и все домочадцы хором выдохнули. На излете своего земного странствия Алексей Иванович протяжно завывал ночи напролет, чем очень злил свою дочь Раису.

Работала Раиса воспитателем в детском саду и первая смена в ясельной группе начиналась очень рано. Она, конечно, пыталась договориться с Алексеем Ивановичем, но ввиду определенных обстоятельств, договориться не получалось. Тогда она просто заткнула слизкую щель, которая когда то была ртом ее отца, носками, валяющимися рядом с ванной. Нельзя сказать, что проблема была полностью решена, но издаваемые стариком звуки преобразились, стали глуше и напоминали гудение холодильника. Так, засыпая, казалось даже самой Раисе.

Утробное мычание переносило ее в беззаботные июльские дни у бабушки на даче, где она засыпала под аккомпанемент пузатого холодильника «Донбасс».

В один день, сразу после того, как дочка Раисы, Настя вернулась со школы и включила на кухне крошечный черно-белый телевизор, больше напоминающий дверной глазок, прищурившись, рассматривала на мутном экране фигуры в коротких топиках, мычание, которое давно стало частью квартиры, прекратилось. Тревожно осмотревшись, Настя уставилась на дверь ванной. Тишина заполнила вся вокруг, будто дед собрался с силами и в любой момент был готов появиться на пороге. Почему-то она даже не предположила, что он умер. И правильно сделала. Потому что Алексей Иванович, приблизившись к рубежу, отбросил бытие человеческое и зажил другой, неведомой никому жизнью.

Больше всего Алексей Иванович любил две вещи - принимать ванну и экономить. Поэтому, набрав ванну, он часами лежал там, за занавеской, сделанной из халата его супруги - Зинаиды Остаповны. Замызганная полиэстерная шторка, зияя дырами, как звездное небо на берегу Кацивели, слабо

скрывала Алексея Ивановича в эти моменты покоя. Домашние крепко зафиксировали в своих головах его именно таким: беззвучно дрейфующим в темном гроте ванной комнаты. На каждой стене ванной висело большое зеркало, даже на двери и когда старик открывал глаза, оголялось сразу четыре пары сверкающих в полумраке белков.

Закончив с банными процедурами он накидывал на тело вафельное полотенце, и утопив все свои вещи в остывшей воде, долго топтал их длинными деревянными щипцами. Так проходила недельная стирка. Вода приобретала бурый оттенок, собирая на поверхности пленку из чешуек кожи и ванна походила на большую кастрюлю, в которой скис суп. Для пущей чистоты Алексей Иванович выдерживал вещи не меньше семи дней, периодически постукивая и перемешивая бульон теми же щипцами. В конце, спустив воду, он залазил в ванну и долго ходил по вещам, задумчиво

вслушиваясь в затихающее чавканье под ногами.

Как-то раз, в один из дней окончания стирки, не удержав равновесие, Алексей Иванович поскользнулся на мокром плаще и упал, сильно стукнувшись затылком об угол ванной. С тех пор взгляд его навсегда приобрел загадочное выражение. Покидать ванну он отказался. Зинаида Остаповна старалась его вытащить, но он, основательно укоренившись под слоями взмокших вещей, не поддался. Мысли, хранившиеся в лысеющем шарике его головы, частично вытекли на пол при встрече с чугунным краешком ванны и общался он теперь отрывисто, умело совмещая оставшиеся в мозгу слова с жестами.

Так, например, указывая кривым пальцем на кран и издавая при этом протяжное уууу, дед сообщал, что пора включить воду, так как вещи в ванной почти высохли. Настя, съедаемая интересом, пыталась выведать, почему дед не идет в свою комнату, но тот отворачивался от нее и медленно ухо-

дил под воду, ложась на дно своего ковчега, пуская ей в ответ только струйки пузырьков. Даже напоминания о телевизоре не заинтересовали Алексея Ивановича, поэтому Настя скоро бросила попытки разговорить деда и стала молча наблюдать за новыми процессами в ее семье.

Несмотря на очевидную необычность ситуации, единственной сложностью стала кормежка. Алексей Иванович, то ли от вредности, то ли от удара, наотрез отказывался от пищи. Настя даже пыталась соблазнить его школьной пиццей за 70 копеек, на которую собирала несколько дней, но кое-как откусывая даже маленькую крошку еды, он сразу выплевывал ее, начинал кричать и потом долго не успокаивался, чем злил взрослых женщин семейства.

Насте деда было жалко. Однажды вечером она сварила его любимый чай из фруктовой кожуры, которую он сушил, развесив гирляндами на кухонном гарнитуре, насыпала в него побольше сахара и принесла деду.

Тот, вцепившись костлявыми пальцами в кружку, с большим удовольствием жадно выпил и попросил еще. В семье воцарило спокойствие. С этих пор Алексей Иванович начал пить много чая с сахаром, а потом, когда кожурки закончились, перешел на воду с сахаром. Дед не заметил разницы, что было на руку и Зинаиде, и Раисе. А когда тем стало совсем лень колотить сахарные напитки, мешок с сахаром переместился в ванную и его стали подсыпать прямо в околодедовые воды.

Поначалу Настя, конечно, стеснялась мыться рядом с дедом, поэтому ее мать, Раиса Алексеевна, стояла рядом и периодически рявкала на отца, чтобы тот закрыл глаза и отвернулся. Алексей Иванович не сопротивлялся, видимо, все понимал, но вскоре потребность в помощи отпала, так как глаза Алексея Ивановича полностью засахарились. Зрачки перестали тревожно бегать из стороны в сторону и застыли в одном пустом взгляде. Веки, ресницы и белки покрылись белыми кристалликами,

точь-в-точь как конфеты «Пьяная вишня», если им откусить вершок.

Насте нравились эти конфеты, хотя ей и не давали больше двух за раз. Она просила деда подвинуться и дед послушно поджимал тонкие ноги, обвивал их узловатыми руками и съеживался в углу, как длинноногий, засохший паучок.

В общем, дед похорошел и теперь Настя с удовольствием приходила в ванну сама, рассматривая эти конфетные глаза, стоя под струей крана. С того момента свет в ванной включать перестали, чтобы не пугать Алексея Ивановича. «Сахарные глаза не умеют моргать, им больно видеть свет», - шепотом объяснила Зинаида Остаповна, зашторивая дверь в ванну.

Все изменилось, когда Зинаида Остаповна, находясь в состоянии крайнего возбуждения, разбудила дочь среди ночи и сообщила, что слышала деда. Говорил он с ней, конечно, не так как раньше, не по-старинке, по-другому. Придя поздно вечером со смены, она отправилась в ванную, в тот вечер

была ее очередь подкармливать Алексея Ивановича. Войдя в его кафельное царство, она почувствовала посторонний запах. Это было похоже на запах брожения, как когда они гнали самогон из сливовой падалицы, но другой, более сильный и более газированный. Аромат дразнил ее ноздри, и с каждым вдохом тело ее млело все сильнее, а вечерняя усталость растворялась в игристом воздухе.

Она жадно вдыхала пары, ощущая новое качество, образовавшееся в теле - пушистая нега, вот как она сказала Раисе, что все стало пушистым и мягким, даже она сама, толстая, изможденная жизнью, немолодая женщина, стала легкой как сентябрьская паутинка. Не без труда наведя фокус, как всегда долив воды и насыпав нужное количество сахара, она присела на кафельный пол, облокотившись спиной о ванну. Позади нее раздался пузырящийся звук, так она сказала, звук пузырей.

Шипение становилось громче, с переливами, а потом начало звучать будто изну-

три, будто пузыри заполнили саму Зинаиду Остаповну. Тут-таки все и произошло. Дед поведал ей о всех своих тридцати именах, из которых надо выбрать одно и впредь только ним его называть. Велел забыть все старые имена, кормить его сахаром и промывать каждую неделю, как он делал еще будучи Алексеем Ивановичем, и дежурить у двери, разговаривая с ним. Что именно говорить было не важно, главное говорить.

Зинаида Остаповна, внимая мужу, валялась на полу ванной и корчилась то ли от боли, то ли от удовольствия, задирая свое платье, и растопыривая пальцы рук и ног, но об этом она решила Раисе не говорить. Так Зинаида Остаповна провела всенощную у ванны своего мужа, быстро сбегав за листиком и ручкой, и на ощупь записала все, что он говорил, все тридцать имен и все инструкции которые он передал. С этой ночи Алексей Иванович стал Ширатурао.

Утром следующего дня женщины составили расписание и распределили обязанности. А еще через неделю Раиса Алексеевна

принесла Насте первый стакан околодедовой воды. «Пей»,- сказала она, вытирая рот тыльной стороной ладони, - «Пей, у бабушки прошла катаракта. Больше нам не страшна никакая хворь».

Настя взяла граненный стакан и отхлебнула. Рот заполнили щипучие пузырьки, сладкие и колючие. На вкус вода из под деда была похожа на квас из желтых бочек. О тех железных цистернах ходили страшные слухи и самый страшный о том, что там, на дне, заводятся личинки, навсегда отвадил Настю от этого напитка. Но здесь было совсем другое дело. Она прекрасно знала, что никаких червяков в ванной деда не завелось, поэтому с удовольствием допила содержимое и вернула маме стакан. Та, пошатываясь, вышла из комнаты.

Прошло совсем немного времени, и живот Насти свело страшной болью. Скрючившись пополам и какое-то время лежа так, зажмурившись, она надеялась что пройдет, но становилось только хуже. Волнами подкатывала тошнота. Настя, сдержи-

вая эти пинки изнутри, покрылась испариной. Не выдержав, она открыла окно и долго блевала с третьего этажа, запачкав подоконник и кончики волос. С того момента Настя больше не пила воду из-под деда, а выливала за окно, либо, если мама требовала осушить стакан при ней, уйдя в комнату вызывала рвоту засовывая в рот линейку.

Настя не принимала участия в банных процедурах Алексея Ивановича, разве что в дни, когда мама и бабушка ездили на дачу собирать помидоры. Тогда все заботы по уходу за дедом ложились на ее плечи.

Мыть деда Настя не хотела, поэтому просто доливала воды и засыпала сахар, за что бабушка больно била ее тряпкой по лицу.

От плохого ухода вода вокруг Алексея Ивановича темнела и, став совсем кислой, ранила его нежное, почти прозрачное тело, разъедая его, от чего в воде появлялся осадок. Вся недельная партия напитка шла на смарку, а дед, не находя покоя от боли,

тяжело вертелся в ванной, всхлипывая и царапая ранки, не давал домочадцам спать.

Зинаида Остаповна, будучи женщиной доброй от природы, связывала руки супруга, что позволяло его коже быстро восстановиться. Пока дед проходил реабилитацию, она мыла его желтой мочалкой и по-детски жалела. Она, конечно, понимала, что перед ней уже совсем иное существо, знала имя его - Ширатурадо, но уж больно он походил на ее мужа и не находилось в ней сил, чтобы удержаться от нежных слов.

Чаще всего Настя дежурила у входа в ванную и говорила с дедом о школе, о том, чем сегодня завтракала, как от жары развонялись мусорные баки, а бутерброд, который она взяла в школу, стащили одноклассники и выбросили в дырку туалета. Ей казалось, что дед, молчаливо слушая ее, сипло вздыхал, переполняясь сочувствием. Никогда за всю ее недолгую жизнь, никто не слушал ее так внимательно как в эти моменты.

В начале осени дед, как и было предсказано в ту самую ночь, начал отслаиваться. Первым делом новая, прозрачная плоть, отделилась от его ноги чуть ниже бедра и слезла аккуратным овальным пластом. Бабушка, надев резиновые перчатки, аккуратно подхватила эту субтильную, почти жидкую кожу и бережно переложила в пакет с водой.

На следующий день они с мамой отправились на базар. Заранее подготовив историю об уникальном заморском напитке, они продали содержимое вместе с пакетом, подробно описав процедуру мытья и дозировку сахара в инструкции, приложенной в комплекте.

Спустя две недели все повторилось, но на этот раз на базаре их ждали другие женщины, знакомые первой довольной покупательницы, и за плоть деда, по словам матери, разгорелась настоящая битва. Вооодушевленные таким успехом, женщины стали брать с собой на рынок не только пакетики с кожей, но и банки с самим напитком.

«Для обращения неверующих», - так они говорили, хихикая и звеня стеклянной тарой утром базарного дня.

Возвращались они домой довольные и немного навеселе. Настя ждала их дома с кое-как приготовленной едой. С августа кроме нее в доме никто не куховарил. После ужина, закрывшись на кухне, Зинаида и Раиса считали выручку, а Настя, пользуясь моментом, подкрадывалась к ванной, чтобы еще немного поговорить с дедушкой перед сном.

Утром, кое-как растолкав маму, она сообщала, что идет в школу и, не получая внятного ответа, уходила, плотно прикрыв дверь. Мама и бабушка, умаявшись с дедом и базаром, стали сильно уставать и почти все время спали. Вставали они ближе к ночи и первым делом шли в ванную. Теперь они больше не наливали воду в стаканы, а пили прямо из ванной, руками расчищая место от вещей и отодвигая Алексея Ивановича к стенке.

На уроках Настя слушала учителей в полуха. В школе дела шли плохо, оценки портились, но Настя не могла ничего с этим поделать. Весь день сидела она там, переживая, что входная дверь распахнется от сквозняка, представляла, как соседи, устав от кислого запаха из семьдесят третьей квартиры, войдут и заберут деда, пока мама и бабушка лежат в своих кроватях и спят беспробудным сном. Затолкав в карманы побольше сахара из столовой, она неслась домой, сразу, как-только звонок оповещал об окончании уроков и выдыхала только тогда, когда замок входной двери закрывался за ней с громким щелчком.

Увидев деда на привычном месте, она опускалась на колени и кормила его с руки принесенным сахаром, который казался ей особенным угощением, не таким, как сахар из мешка. Дед иногда кусал ее. Зубы у него истончились и стали острыми, похожими на иголочки. Кусался он не до крови и не со зла, просто путал ее руку с сахаром, поэтому она не обижалась на него и ласково объ-

яснила, что сахар закончился, но завтра она принесет еще. Так в семейных хлопотах прошла осень.

Настя, оставаясь наедине с дедом, не называла его Ширатурао. Потому что дед - это не имя, это звание. Она все еще узнавала его и ей казалось, что он тоже узнает ее, что поселившись в ванной, они обрели какую-то новую близость, доселе неведомую им обоим.

Он, конечно, сильно преобразился. Рот его разъехался в стороны и губы, растрескавшись, походили на рюши блинов, сложенные друг на друга, смазанные маслом, кожу покрыли полосы зеленоватых гребешков. Бывало, в этих гребешках Алексея Ивановича, запутывалась какая-нибудь кофта, и тот шамкал ею ночь напролет, высасывая сладкую влагу.

Ближе к Новому году дед, лакомясь рафинадом из Настиной руки, больно впился в мякоть ее ладони и Зинаиде Остаповне пришлось силой разжимать его пасть, чтобы высвободить Настю. Та визжала, брыкалась и плакала, кричала ему, что она его внучка, но челюсти продолжали смыкаться с тупой уверенностью гидравлического пресса. Высвободив руку, она убежала в комнату и долго безутешно рыдала, оплакивая что-то такое, чему не могла дать назва-

ние. Рана заживала плохо, как и рана сердечная, которую Настя была бы рада забыть, но не могла.

Квартиру окутал вездесущий запах брожения и дни поползли очень медленно. Настя больше не приходила к деду после уроков, не говорила с ним перед сном и старалась обходить ту часть коридора, где была ванная. Мать и бабушка продолжали ухаживать за ним. Каждую ночь она слышала их шаркающие шаги, шепот и звон бутылок.

Примерно две недели назад, вставая в туалет ближе к утру, Настя, осторожно пробираясь мимо злополучной ванной, увидела мамины тапочки сброшенные у входа и услышала сербающие звуки, и женские стоны, переплетенные с гудящим дыханием деда. Задержав дыхание и зажмурившись, она ринулась обратно в комнату, больно ударившись ногой о железный велотренажер, преградивший ей путь. С той поры Настя больше не выходила ночью в туалет, а пользовалась стаканом для ручек и окном.

С наступлением темноты квартира превращалась в оживший пузырь из шорохов и хрипов. Настя, часами пытаясь уснуть, гипнотизировала дверной проем, пока сон не одолевал ее измученное тело. Сознание же отключаться отказывалось и упорно продолжало предлагать ей картины откусанных рук и разбухших тел в желтых бочках с квасом.

В одну из таких бессонных ночей ею было принято решение забаррикадироваться. Настя хотела придвинуть к двери кресло, но оно, старое и тяжелое, не поддалось ее слабому натиску. Закидав проход стульями, зимними курточками, выдвижными ящиками от стола и повесив на саму ручку стеклянный стакан, она отключилась прямо там, не дойдя до дивана. Это был ее самый крепкий сон за последние месяцы. Маму и бабушку теперь она видела очень редко, в основном перед школой, когда они уже спали.

Лишенный предписанных разговоров, одинокий и забытый Алексей Иванович нерв-

ничал. Все чаще он бил руками о стену и расплескивался на пол. Раисе Алексеевне пришлось застелить ванную пленкой и разбросать полотенца, уделив особое внимание углам комнаты.

«Не хватало еще затопить кого-то»,- недовольно ворчала она, трамбуя пяткой полотенце под дальнюю стену и раздраженно смотря на своего, некогда, отца. Оставаясь подолгу один, он скулил или хныкал, за что и получил носок в рот. Но теперь его мычание внезапно прекратилось, резко оборвавшись, отсутствие этого звука стало тотальным, как глухота.

...Американские подростки в телевизоре замерли, изображение пошло рябью. Слева на столе трехлитровая банка, отложенная для базара, была практически пустой, значит мама и бабушка проснутся в лучшем случае поздно ночью, бежать к ним бестолку. Настя нервно заерзала на стуле, глаза ее забыли моргать и округлились, застряв взглядом в заляпанном полотне двери в ванную комнату.

Железная ручка вертляво дернулась влево, затем вправо, и, замерев на секунду, дверь, с тихим хлопком, открылась.

Иллюстрации: Gurge Feodor

© Худжамова Наталия, все права защищены